

RU

«Поездка в Россию» Дж. Б. Пристли: имагологический аспект

Чернова Ю. В., Беляков Д. А.

Аннотация. Цель исследования - определить особенности в изображении России и русских в публицистике Пристли. В статье рассмотрен цикл эссе «Поездка в Россию» с точки зрения отражения в нем русско-английских связей и взаимодействий. Научная новизна заключается в применении имагологического подхода к анализу цикла эссе Дж. Б. Пристли «Поездка в Россию». Полученные результаты показали, что русский народ на страницах цикла предстает как истинный победитель, чей вклад, с точки зрения Пристли, невозможно переоценить. Являясь представителями великой культуры, русские продолжают постоянно развиваться, стремятся к новым знаниям и открытиям. Выстраивание русско-английских связей возможно только без опоры на стереотипы и с большим уважением к другому народу, диалог на равных.

EN

“Russian Journey” by J. B. Priestley: Imagological Aspect

Chernova Y. V., Belyakov D. A.

Abstract. The paper aims to reveal the specificity of Russia’s image representation in J. B. Priestley’s publicistic works. The article examines the cycle of essays “Russian Journey” from the viewpoint of representation of Russian-British relations and interactions. Scientific originality of the study involves the imagological approach to analyzing J. B. Priestley’s cycle “Russian Journey”. The findings allow concluding that in this cycle Russian people are described as true winners whose contribution cannot be overestimated. The bearers of great culture, Russians continue to develop, seek to acquire new knowledge. Writer’s opinion is as follows: to develop Russian-British relations, Englishmen should abandon stereotypes, should respect Russians considering them equable partners.

Введение

Актуальность темы исследования обусловлена пристальным вниманием ученых к вопросам имагологии, поскольку образ «других» стран, этносов не раз становился сферой интересов различных писателей и деятелей культуры. Однако надо отметить, что ключевым становится изучение «социально-идеологической функции образа Другого, его роли в создании стереотипов и конструировании социокультурной и национальной идентичности» (Трыков, 2015, с. 120). Знакомство Джона Боинтона Пристли с послевоенной жизнью Советского Союза стало толчком для создания цикла эссе «Поездка в Россию» (“Russian Journey”, 1946). В нашей стране Пристли известен как автор пьес «Опасный поворот», «Визит инспектора», однако большое количество исследователей его творчества сходятся во мнении, что основной вклад в литературу внес писатель как автор эссе (Вроме, 1988). Как отмечает Е. Гениева (1988): «Жанр эссе, разговора запросто, короткой изящной зарисовки, как нельзя лучше соответствует темпераменту Пристли – энергичному, требующему немедленного выхода» (с. 14). Сам писатель также указывает на то, что эссе – «его жанр»: «...писать романы и даже пьесы мне было трудновато, я постоянно что-то в себе преодолевал, что-то сам себе доказывал. Другое дело – эссе. Здесь я вольно дышу» (Priestley, 1964, с. 48).

Для достижения указанной цели исследования необходимо решить следующие задачи: выявить особенности структуры цикла эссе; проанализировать художественные средства создания образа Советского Союза и русского народа.

Теоретической базой исследования послужили публикации авторов, чьи работы посвящены вопросам имагологии (Луков, 2012; Поляков, Полякова, 2013; Трыков, 2015), а также творчеству Дж. Б. Пристли (Ершова, 1979; Чернова, 2018).

Практическая значимость исследования заключается в том, что раскрываемый в статье образ русских может стать частью целостного исследования, посвященного развитию представления англичан о русских, воплощенного в художественной и публицистической литературе XX века.

Основная часть

В 1946 году писатель с женой посетили СССР в качестве гостей ВОКСа (Всесоюзного общества культурных связей с заграницей). Пристли с самого начала оговаривает цель своего визита, который носил не политический, а культурный характер. Это знакомство с жизнью людей другой культуры, проникнутое заинтересованной симпатией и доброжелательностью. Как пишет сам Дж. Б. Пристли: «...стараясь оправдать свою репутацию опытного наблюдателя и знатока жизни простых людей, я воспользовался этой возможностью, чтобы смотреть, слушать и делать выводы» (Пристли, 1988, с. 234). Увиденное и услышанное было ценным еще и потому, что время поездки совпало с периодом восстановления страны после ужасов войны, о чем автор будет не раз вспоминать на протяжении своих эссе.

Однако еще до приезда в страну у Пристли уже было сформировано представление о русских как о народе, который является носителем великой культуры. Еще на раннем этапе своего творчества будущий писатель создает работу, посвященную творчеству А. П. Чехова, которое в значительной мере повлияло на драматургию Пристли. Несмотря на то, что в эссе писатель практически не говорит о великих русских авторах XIX века, читатель, знакомый с творчеством Пристли, не может не заметить особого отношения к культурному наследию нашей страны.

По своей структуре цикл представляет собой шесть эссе, три из которых посвящены городам (Москва, Сталинград, Ленинград), эссе, посвященное южным республикам (Украина, Армения), темой отдельного эссе становятся колхозы как явление, отсутствующее в жизни англичан, а итогом размышлений автора о поездке служит эссе «русские и мы». В основу каждого эссе ложится стереотип о русских, который можно объединить в один тезис: русские – угрюмые и нелюдимые, а Советский Союз представлялся Западу диким миром, замкнутым на самом себе. Именно с этим связан ракурс и принцип описания городов, которые посетил Пристли. В каждом эссе Пристли чередует объемные описания представителей другого народа с краткими заметками, проникнутыми наблюдательностью и юмором, о поразивших его вещах.

Москва была первым городом, в котором побывал писатель. Эссе, однако, начинается не с описания столицы, да и представления о городе, в целом, Пристли не дает. Для писателя Советский Союз начинается с полета, который одновременно наводит ужас на пассажиров и позволяет тотчас погрузиться в атмосферу гостеприимства, радушия и веселья. «В Москву мы летели – надо признаться, не без страха, – на самолете Красной Армии “Дакота”, которым управляла молодая и веселая женщина-пилот; самолет был до отказа набит офицерами Красной Армии и завален багажом, то и дело менявшим положение в пространстве. Все курили, играли на аккордеонах и пели; бутылки переходили из рук в руки; царил праздничная атмосфера, очень русская и очень сердечная; впоследствии, летая на русских самолетах, мы много раз с удовольствием погружались в нее, но во время первого полета это веселье казалось нам совершенно неуместным и даже опасным» (Пристли, 1988, с. 234).

Пристли умело чередует развернутый рассказ о представителях другой страны с краткими, полными юмора и наблюдательности заметками о характерных, поразивших его чертах чужого быта и чужого устройства жизни. Описывая жизнь москвичей, Пристли прибегает к художественному моделированию среднестатистической советской семьи Ивана и Наташи.

На протяжении всего эссе Москва сравнивается с мировыми столицами (Нью-Йорк, Лондон). Пристли последовательно развеивает миф о городе, в котором на каждом шагу человека подстерегают агенты тайной полиции. «Первое утро в Москве мы провели, бродя по улицам вдвоем – как в Лондоне, Нью-Йорке или любом другом городе (если, конечно, за нами не следовали по пятам агенты тайной полиции, умело загримированные под воробьев)» (Пристли, 1988, с. 235). Высмеивая подобные взгляды на Москву, писатель подчеркивает узость европейского и американского видения, основанного на слухах и домыслах. В подтверждение этому Пристли описывает посещение в театре «Сатиры» спектакля «Миссия мистера Перкина в страну большевиков», который открывается сценой поиска американцем и его секретарем микрофонов-жучков в своем гостиничном номере. Таким образом Пристли демонстрирует абсурдность подобных представлений, над которыми смеется русский человек.

В тексте практически отсутствует описание самого города, который с первых минут может показаться мрачным. Он отдаленно напоминает Пристли Манчестер или Блэкпул, что указывает на общность городов по всему миру. Москва в восприятии автора является городом контрастов: с одной стороны, он выглядит скажочным благодаря позолоченным луковкам-куполам церквей, а с другой, на улицах ощущается эхо войны. Великолепие московского метро контрастирует с остальным транспортом, который «оставляет желать лучшего». Подобный контраст наблюдается и в москвичах: сперва они кажутся угрюмыми и замкнутыми, но в то же время полны радушия и дружелюбности по отношению ко всем.

Тема войны становится лейтмотивом в цикле эссе. На страницах произведения народ предстает, в первую очередь, как освободитель мира от фашизма. Особое звучание эта тема получает в эссе «Сталинград». Знакомство с городом начинается с рассмотренной в иллюминатор «серой ленты», в которой угадывается великая Волга. Ее значимость для писателя обусловлена не столько географическими особенностями, сколько событиями военного времени. «Я понял, что это Волга, река, которая является не только величайшей рекой России, но и чем-то большим – ее сокровищем, ее символом, ее судьбой; именно здесь, на Волге, фашисты были впервые остановлены, а затем потерпели сокрушительное поражение» (Пристли, 1988, с. 246). Пристли не говорит об ужасах разрушенного города, не дает подробных описаний руин: «Мы словно смотрели – только не на экране, а в жизни – фильм по роману Уэллса “Облик грядущего”» (Пристли, 1988, с. 246). И все-таки

писатель находит возможность сместить ракурс в описании Сталинграда на жизнеутверждающий. Пристли отмечает значимость для русского человека общественной жизни. Вечернее посещение «джаза» в клубе позволяет писателю сравнить особенности русского и английского менталитетов. Восстановление города для русского человека начинается с общественных мест (театр, университет, клуб), что подчеркивает тяготение народа к культуре и просвещению, а не к комфорту. «Для нас город – это прежде всего жилые дома, поэтому мы сосредоточиваемся в первую очередь на жилищном строительстве. Для русских же, как они постоянно подчеркивали в разговорах со мной, город – это прежде всего общественные здания. Конечно, они не отказались бы от собственного дома вместо одной или двух комнат, но раньше они хотят построить большой клуб, университет или технологический институт, оперный и драматический театры – они хотят наладить сначала общественную жизнь, а потом уже личную» (Пристли, 1988, с. 248).

С одной стороны, Пристли подмечает различия между представителями разных народов, о которых, по его мнению, необходимо всегда помнить, а с другой – говорит об общности молодежи во всех странах. «Эти ребята очень напоминали нашу английскую танцующую и поющую молодежь: семеро из десяти были робки и неловки, двое – потрясающе самоуверенны, а десятый по-настоящему талантлив. Мне даже показалось, что я не в далеком Сталинграде, а дома в каком-нибудь молодежном центре» (Пристли, 1988, с. 249). Однако об этой близости никогда не узнаешь из газет, для этого необходимо побывать в стране и увидеть все своими глазами. Пристли не мог оставить без внимания значение журналистской деятельности, однако не понаслышке знал о влиянии государства на содержание газет и радио.

В эссе о колхозах и южных республиках, помещенных между Москвой и Сталинградом, наблюдается контраст в жизни людей в послевоенное время. В южных республиках наблюдается больше богатства, веселья, царит непринужденная атмосфера. Шумный Киев и сказочный Тбилиси не оставляют равнодушными писателя. Пристли также отмечает различие между жителями Украины, Армении, Грузии и России, которое поддерживается не только народом, но и политикой. «Старые имперские режимы в своей тупости всегда пытались подавлять национальные культуры. Советский же Союз, проявляющий во внутренней политике мудрость, которой ему подчас недостает на международной арене, не сделал этой ошибки. Он сознательно оказывает содействие их развитию, и бескрайняя советская земля сверкает и звенит от танцев и песен» (Пристли, 1988, с. 245). При всех культурных различиях, которые удивляют и восхищают писателя, общими остаются радушие, гостеприимство и широта души, которые наблюдаются на всей территории Советского Союза и не зависят от географического положения.

Конечно, не стоит забывать, что Пристли, в первую очередь, писатель, а точнее драматург, что обуславливает особое место, которое в цикле эссе занимает русский театр. В каждом городе, где побывал писатель, он обязательно посещал театр. Пристли сумел посетить МХАТ и увидеть пьесу А. П. Чехова в постановке К. С. Станиславского. По мнению Пристли, театр способствует объединению людей, имеет воспитательное и образовательное значение, что ставит его выше остальных видов искусств (Чернова, 2018). Примером такого театра для Пристли был советский театр и, в частности, МХАТ. «Что дает нынешнему советскому театру колоссальное превосходство, так это организация в масштабах государства, основанная на признании места театра в обществе» (Priestley, 1947, с. 15). Писатель отмечает популярность театров, хотя не описывает ни один из них. Наиболее показательными становятся популярность этого вида искусства и его доступность для каждого жителя: «Билеты в драматические и оперные театры, в концертные залы стоят довольно дешево, так же как книги и все, что имеет отношение к просвещению и искусству. В Москве, заплатив меньше, чем стоит порция мороженого, вы можете попасть на такой спектакль, которого в Америке не увидишь ни за какие деньги» (Пристли, 1988, с. 237).

Стремление русских к культурному развитию подчеркивается через описание организованной лекции, на которой должен был выступить Пристли, широко известный советской публике. «Билеты раскупили за несколько часов, но всем желающим их не хватило, и вечером у подъездов собралась огромная толпа. Я встал, чтобы обратиться к переполненной аудитории, но не смог говорить из-за шума, доносившегося снаружи. Двери в глубине зала начали приоткрываться, потом широко распахнулись, и толпа молодежи ворвалась в зал и рассыпалась по проходам. Нечто подобное можно увидеть на футболе в Лондоне, на бое боксеров-профессионалов в Нью-Йорке – но на встрече с писателем? Такое бывает только в Москве» (Пристли, 1988, с. 238). Такое сравнение еще раз подчеркивает культуру народа страны в противоположность взглядам, распространенным на Западе.

Пристли также стремится развеять стереотип о том, что в театрах России ставят только пьесы об Иване Грозном, цементном заводе или партизанах. Писатель отмечает разнообразие репертуара в советских театрах, в которых можно увидеть забавные комедии и серьезные произведения.

В эссе «Ленинград» соединяются две важные для писателя темы: искусство и война. По мнению писателя, Петербург (Ленинград) – «самый лучший город», поскольку он весь пропитан искусством и наиболее близок к европейским городам. Для Пристли это город, в котором можно увидеть дореволюционную Россию и почувствовать ужас недавней блокады. Ощущение дореволюционной России возникает при посещении православной церкви. «Вереница старых, бедно одетых людей, ожидающих своей очереди поцеловать священные иконы. Это снова была Россия Достоевского» (Пристли, 1988, с. 251). Как было сказано ранее, Пристли не упоминает о русской литературе. Именно посещение Ленинграда наводит на мысли о величии этой страны.

Пристли разделяет Петербург и Ленинград и прямо говорит о том, что новый город ему ближе, что связано с политическими взглядами писателя. Его поражает открытость молодого поколения новым знаниям, литературе. Именно поэтому отдельно место в эссе занимает описание посещения университета, в котором студенты изучают английскую литературу. Несмотря на существование дефицита литературы, молодежь продолжает стремиться к знаниям. Ленинград в отличие от Москвы предстает на страницах эссе светлым городом, наполненным жизнью (несмотря на трагические события), открытым всему новому.

Итогом размышлений о различиях между русскими и англичанами становится эссе «Русские и мы». Все лучшее, увиденное писателем в Советском Союзе, связано, в первую очередь, с людьми. На протяжении всего цикла Пристли подчеркивает свое восхищение народом, который победил в войне, понес огромные потери, но возрождается благодаря силе воле и открытости всему новому. Это искренне восхищает Пристли и заставляет уважать русский народ. Города отражают тот тип людей, которые в нем живут. Каждый город, увиденный писателем, обладает своими особенностями. Они разные, поэтому каждый может выбрать тот, который ему ближе.

Пристли не может не сопоставить русских и американцев, учитывая послевоенную политическую обстановку. Проводя параллели между русскими и американцами, Пристли отдает предпочтение первым. Они предстают интеллектуальными, культурными и радушными людьми. Подобное сравнение неслучайно, поскольку писатель не поддерживал политику, направленную в сторону Америки. Размышляя об отношениях с русскими, Пристли подчеркивает, что диалог с русскими возможен только открытый и дружеский.

Заключение

Таким образом, цикл эссе Пристли «Поездка в Россию» (1946) можно рассматривать как звено в формировании образа России в представлении англичан, в обществе которых традиционная недоверчивость и настроенное отношение к русским после войны сменяются интересом. Эссе Пристли пропитаны глубоким уважением к культуре страны и преклонением перед народом, освободившим мир от фашизма. Автор стремится объективно изобразить ту действительность, с которой столкнулся, отмечая проблемы и достижения, существующие в стране. Однако Пристли хочет показать, что только истинное желание познать другую культуру и народ (без опоры на стереотипы) позволит выстроить здоровые отношения между людьми. «Они встретили нас как друзей; они простились с нами как с друзьями, и что бы ни случилось, мы останемся их друзьями навсегда. А Вы?» (Пристли, 1988, с. 254).

Перспективы дальнейшего исследования мы видим в расширении материала для исследования образа России и русских в англоязычной прозе, что может стать частью комплексного исследования, посвященного развитию представления англичан о русских, воплощенного в художественной и публицистической литературе XX века.

Источники | References

1. Гениева Е. Музыка человечности // Пристли Дж. Б. Заметки на полях: худож. публицистика. М.: Прогресс, 1988.
2. Ершова Т. В. Дж. Б. Пристли - литературный критик и публицист: автореф. дисс. ... к. филол. н. М., 1979.
3. Луков Вл. А. Имагология: тезаурусные расширения // Имагологические аспекты русской и зарубежных литератур: межвуз. сб. науч. трудов / отв. ред. О. Ю. Поляков. Киров: ООО «Радуга-ПРЕСС», 2012.
4. Поляков О. Ю., Полякова О. А. Имагология: теоретико-методологические основы. Киров: ООО «Радуга-ПРЕСС», 2013.
5. Пристли Дж. Б. Заметки на полях. М.: Прогресс, 1988.
6. Трыков В. П. Имагология и имагопоэтика // Знание. Понимание. Умение. 2015. № 3.
7. Чернова Ю. В. Театральность прозы Дж. Б. Пристли: автореф. дисс. ... к. филол. н. М., 2018.
8. Brome V. J. V. Priestley. L.: Hamish Hamilton, 1988.
9. Priestley J. B. Man and Time. L.: Aldus Books, 1964.
10. Priestley J. B. Theatre Outlook. L.: Nicholson and Watson, 1947.

Информация об авторах | Author information

RU

Чернова Юлия Владимировна¹, к. филол. н.

Беляков Дмитрий Александрович², к. филол. н.

¹ Российский государственный университет им. А. Н. Косыгина (Технологии. Дизайн. Искусство), г. Москва

² Московский государственный лингвистический университет

EN

Chernova Yulia Vladimirovna¹, PhD

Belyakov Dmitry Aleksandrovich², PhD

¹ Kosygin State University of Russia, Moscow

² Moscow State Linguistic University

¹ chernova_jv@mail.ru, ² d.belyakov@linguanet.ru

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 26.09.2021; опубликовано (published): 30.11.2021.

Ключевые слова (keywords): Джон Боинтон Пристли; эссе «Поездка в Россию»; имагология; образ России и русских; John Boynton Priestley; cycle of essays "Russian Journey"; imagology; the image of Russia and Russians.